ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

СИСТЕМНЫЙ ЛЕКАРЬ

Валентина Садыкова

Системный лекарь

«Автор»
2026

Садыкова В.

Системный лекарь / В. Садыкова — «Автор», 2026

Военно-полевой хирург Артем Волков погиб под обстрелом, не успев дошить раненого бойца. Очнулся он в сыром подвале трущоб Бастиона-Семь — в теле восемнадцатилетнего подмастерья костоправа Кая Вейна, истекающего кровью от удара бандитской заточки.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Садыкова
Системный лекарь

Глава 1. Смерть под огнем и пробуждение в грязи

Последним, что запомнил Артем Волков, был запах горелой проводки, перемешанный с густым, железным смрадом свежей крови.

Операционная палатка ходила ходуном. Снаружи, за брезентовыми стенами, рвались кассетные боеприпасы — земля под ногами подпрыгивала так, что хирургические зажимы на металлическом лотке звякали, как расстроенные колокольчики.

— Зажим! Быстрее, Марина, у него бедренная артерия фонтанирует! — прохрипел Артем, чувствуя, как пот заливает глаза, разъедая роговицу. — Отсос! Я ничего не вижу!

— Давление падает, Артем Викторович! Шестьдесят на тридцать! — голос операционной сестры сорвался на визг, когда очередной взрыв грохнул совсем рядом. Лампа под потолком мигнула и погасла. Включился аварийный аккумулятор, залив стол мертвенно-синим светом.

— Плевать на свет, держи ранорасширитель, — Артем на ощупь, полагаясь на мышечную память двадцати лет полевой хирургии, нащупал пульсирующий обрывок сосуда и наложил зажим Бильрота. Кровь перестала хлестать. — Нить! Пролен тройка!

И в эту секунду небо над палаткой раскололось.

Не было ни свиста, ни грохота — только ослепительная, выжигающая сетчатку белая вспышка и чудовищный удар в грудь, словно в нее на полном ходу врезался товарный локомотив. Артем почувствовал, как ломаются ребра, как легкие заполняются горячей пеной, а сознание проваливается в ледяную, бездонную черноту.

«Не зашил…» — мелькнула последняя, абсурдная в своей профессиональной упертости мысль. — *«Мальчишку не зашил…»*

***

Боль вернулась не сразу. Сначала пришел холод.

Он пробирал до самых костей, тянул сыростью снизу, от мокрых каменных плит, и пах чем-то отвратительным — гниющей капустой, нечистотами и сладковатым, удушливым дымом, от которого першило в горле.

Артем судорожно втянул воздух и закашлялся. Кашель отозвался острой, режущей болью в правом боку, словно туда воткнули раскаленный прут.

Он распахнул глаза.

Никакого брезента. Никакого синего света аварийной лампы. Над ним нависал низкий, закопченный потолок из почерневших дубовых балок, с которого свисали седые клочья паутины. Где-то сбоку монотонно, раздражающе капала вода: *кап… кап… кап…*

Артем попытался приподняться на локтях, но правая рука подогнулась, и он снова рухнул на вонючий соломенный тюфяк.

— Что за… — голос прозвучал странно. Тонко, с хрипотцой, словно принадлежал не тридцативосьмилетнему мужику, прокуренному и сорвавшему связки на ночных дежурствах, а подростку.

Он поднял левую руку к лицу и замер.

Кисть была узкой, бледной, с длинными, испачканными в саже пальцами и обломанными ногтями. Никаких шрамов от ожогов автоклава на костяшках, никакого мозолистого утолщения от многочасовой работы с иглодержателем. Чужая рука. Худая, костлявая, почти детская.

Внезапно голову пронзила острая мигрень. Перед глазами поплыли мутные образы, обрывки чужой жизни, врывающиеся в сознание подобно ледяному потоку из прорванной плотины.

Кай Вейн. Восемнадцать лет. Сирота из Нижнего Яруса Бастиона-Семь.

Ученик костоправа Морта. Подай принеси, вынеси ведро с гноем, разотри мазь из пепельного мха, получи подзатыльник, если вовремя не раздул угли в жаровне.

Вчерашний вечер. Переулок у Крысиного рынка. Трое громил из шайки Рыжего Бена. Требовали «налог на воздух» — две серебряные монеты, которых у Кая отродясь не водилось. Удар тяжелым сапогом под ребра. Удар заточкой в правый бок, когда он попытался прикрыть голову. И смех вслед: «Сдохнешь до утра, щенок — меньше ртов в трущобах».

Артем застонал, сжимая виски ладонями, пока чужие воспоминания укладывались поверх его собственных, словно два прозрачных слайда, наложенных друг на друга. Он помнил и кафедру военно-медицинской академии в Петербурге, и запах стерильного спирта, и крики раненых под обстрелом… и одновременно знал, как зовут одноглазую торговку рыбой на углу и сколько медяков стоит кружка жидкой похлебки из брюквы.

Он умер. Там, в палатке. И очнулся здесь — в теле умирающего мальчишки в мире, где небо вечно затянуто серым пеплом, а за городскими стенами клубится смертоносный Туман.

Инстинкт врача сработал быстрее, чем разум успел осознать весь ужас происходящего.

Артем — теперь уже Кай — с трудом скосил глаза вниз и откинул край рваной, пропитанной бурой коркой рубахи.

Правый бок распух и багровел. Из рваной раны длиной сантиметра четыре сочилась мутная, желтовато-красная сукровица. Кожа вокруг была горячей на ощупь, натянутой, как барабан, а от самого повреждения вверх, к подмышке, уже тянулись тонкие красные нити.

«Флегмона. Начинающийся сепсис», — холодно констатировал разум хирурга. — *«Заточка была грязной. Если не вскрыть, не дренировать и не промыть в ближайшие пару часов — к утру температура подскочит под сорок один, начнется инфекционно-токсический шок, и я снова отправлюсь на тот свет. Уже окончательно».*

И в ту же секунду, стоило ему сосредоточиться на ране, в глазах что-то тихо щелкнуло.

Воздух перед ним пошел легкой рябью. В правом верхнем углу поля зрения вспыхнули бледно-голубые, полупрозрачные символы, складываясь в строгий геометрический интерфейс, до боли напоминающий экран современного диагностического монитора.

[Инициализация биосканера завершена]

[Носитель: Кай Вейн. Возраст: 18 лет]

[Состояние: Критическое. Острая бактериальная интоксикация. Внутреннее кровотечение (малой интенсивности)]

Кай моргнул, но надписи не исчезли. Более того — стоило ему посмотреть на собственный бок, как плоть словно стала полупрозрачной.

Он увидел все. С поразительной, пугающей четкость рентгеновского снимка высокого разрешения.

Под кожей, на глубине трех сантиметров, в толще наружной косой мышцы живота пульсировал темный, мутно-зеленый очаг гнойного воспаления. Рядом с ним проходила поврежденная ветвь межреберной артерии — из крошечного надрыва в просвет раневого канала медленно подтекала алая кровь, подсвеченная интерфейсом ярким пульсирующим маркером. Чуть глубже, в миллиметре от очага, проходил нервный ствол, от которого во все стороны расходились тонкие желтые нити импульсов.

[Рекомендация: Вскрытие гнойной полости, коагуляция или лигирование поврежденного сосуда, санация раневого канала, антисептическая обработка]

[Вероятность выживания без вмешательства: 11%]

[Вероятность выживания при проведении операции: 64%]

— Шестьдесят четыре процента… — прошептал Кай, облизывая пересохшие, потрескавшиеся губы. — В полевых условиях бывало и хуже. Гораздо хуже.

Он сжал зубы, подавляя приступ тошноты, и медленно спустил босые ноги с топчана на ледяной каменный пол. Голова закружилась, перед глазами поплыли черные мушки, но он ухватился за край стола и удержал равновесие.

Помещение, в котором он находился, служило одновременно и каморкой подмастерья, и складом старого Морта. Вдоль стен тянулись кривые деревянные полки, заставленные глиняными горшками, пучками засушенных серых трав, склянками с мутными настойками и банками, в которых в мутной жидкости плавали какие-то заспиртованные корешки. В углу чадила маленькая жаровня, на которой стоял закопченный медный котелок с водой.

Кай, придерживая бок левой рукой, доковылял до рабочего стола наставника.

На засаленной столешнице валялись инструменты местного «костоправа»: грубые железные щипцы для вырывания зубов, кривое шило, пара тупых ножей с деревянными ручками, моток суровой льняной нити и глиняная плошка с темно-коричневой мазью, воняющей дегтем и чесноком.

— Никакого скальпеля. Никакого кетгута. Никакого лидокаина, — пробормотал Кай, окидывая этот средневековый арсенал критическим взглядом. — Зато есть огонь, вода и спирт.

Взгляд упал на пузатую бутыль зеленого стекла в углу полки. Кай выдернул пробку, принюхался. Резкий, обжигающий запах сивухи ударил в ноздри. Самогон двойной перегонки — градусов шестьдесят, не меньше. Для дезинфекции сойдет.

Он выбрал самый узкий и тонкий нож из тех, что лежали на столе. Лезвие было покрыто темными пятнами и зазубринами, но сталь выглядела крепкой. Рядом лежал оселок — брусок серого мелкозернистого камня.

Следующие десять минут Кай потратил на то, чтобы довести лезвие до бритвенной остроты. Руки дрожали от лихорадки, по лбу тек холодный пот, но пальцы сами вспоминали привычные движения. Проверил остроту на волоске с запястья — лезвие сбрило его чисто, без усилия.

Затем он плеснул воду из котелка в глиняную миску, вылил туда половину бутыли самогона, бросил в раствор нож, кривую сапожную иглу, которую нашел в ящике стола, и отрезок льняной нити. Оставшимся самогоном он щедро полил руки по локоть и протер кожу вокруг раны на боку.

Спирт обожгло так, что перед глазами вспыхнули искры. Кай стиснул зубы, едва не прокусив губу до крови.

Он сел на табурет, прислонившись спиной к холодной каменной стене, чтобы не упасть, если потеряет сознание от болевого шока, и зажал в зубах свернутый вчетверо кусок чистой холщовой тряпки.

Взгляд сфокусировался на правом боку. Интерфейс тут же развернул трехмерную проекцию тканей.

[Внимание! Обнаружен нервный пучок на глубине 2,4 см. Смещение разреза влево на 4 мм снизит болевой импульс на 30%]

Кай мысленно поблагодарил неизвестную силу, подарившую ему этот рентген, взял скользкий от спирта нож и приставил острие к краю раны.

— Поехали, — глухо выдохнул он сквозь тряпку.

Короткий, точный разрез. Кожа и подкожная клетчатка разошлись, выпуская темную, густую кровь вперемешку с зеленоватым гноем. Боль ударила в мозг раскаленным молотом, мир вокруг качнулся и потемнел по краям, но Кай не отдернул руку.

Он видел сосуд. Вот он — крошечный обрывок артерии, подсвеченный красным контуром на глубине двух сантиметров.

Взяв железные щипцы вместо пинцета, Кай аккуратно раздвинул края раны, вычистил гнойный карман тампоном, смоченным в спиртовом растворе, и подцепил кончик кровоточа-

щего сосуда. Рука слегка дрожала, но биосканер компенсировал это идеальным контролем глубины — он видел каждый миллиметр ткани.

Наложить лигатуру одной рукой в глубокой ране с помощью толстой сапожной иглы — задача для циркового акробата, но двадцать лет в военно-полевых госпиталях научили его шить даже в кузове трясущегося грузовика.

Раз. Два. Тройной хирургический узел затянулся на сосуде.

Красная пульсация на экране интерфейса мгновенно погасла. Кровотечение остановилось.

Кай выдохнул, чувствуя, как по спине течет ледяной пот, промыл полость остатками спиртовой воды, оставил в нижнем углу раны узкую полоску ткани в качестве дренажа для оттока сукровицы и наложил три редких, аккуратных шва, чтобы свести края.

[Санация завершена. Кровопотеря остановлена]

[Прогноз выживания: 89%. Требуется покой и восполнение жидкости]

Он выплюнул мокрую от слюны тряпку, откинул голову назад и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле, как пойманная птица, но острая, рвущая боль начала отступать, сменяясь тупым, терпимым ноющим жаром.

Он выжил. Снова.

Тяжелая дубовая дверь наверху, в приемной лавки, внезапно скрипнула и с грохотом распахнулась. По деревянной лестнице вниз застучали тяжелые, неровные шаги.

— Кай! Щенок ленивый, ты где запропастился?! — проревел хриплый, пропитый бас. — У меня с утра кости ломит, как перед бурей, а в жаровне угли дохлые! Если ты опять шатался по рынку…

В проеме каморки появился хозяин лавки.

Старый Морт оказался грузным, сутулым мужчиной лет пятидесяти с одутловатым багровым лицом, сизым носом пьяницы и всклокоченной седой бородой, в которой застряли крошки вчерашнего ужина. Одет он был в засаленный кожаный фартук поверх серой шерстяной рубахи.

Морт замер на пороге, прищурив мутные, слезящиеся глаза. Он перевел взгляд с окровавленных тряпок на столе на пустую бутыль из-под первача, а затем уставился на бледного, мокрого от пота Кая, который сидел у стены с ножом в руке и аккуратно зашитым боком.

— Святой Огонь… — выдохнул старик, и с его лица мгновенно сошла вся пьяная спесь. Он попятился назад, едва не споткнувшись о порог, а его пальцы судорожно сложились в охранный знак Ордена. — Ты… ты что натворил, выродок?! Ты себя резал?!

Кай медленно поднял глаза, глядя на наставника тяжелым, спокойным взглядом взрослого хирурга, который за свою жизнь видел вещи пострашнее гневного трактирного костоправа.

— Меня пырнули вчера вечером у Крысиного рынка, мастер Морт, — тихо, но твердо ответил Кай. — Внутри началось нагноение. Если бы я не выпустил дурную кровь и не закрыл рану, к обеду вы бы выносили из подвала мой труп.

— Дурак! Безумный щенок! — зашипел старик, оглядываясь на лестницу, словно боялся, что их могут подслушать сквозь толстые каменные стены. Он шагнул внутрь, рывком захлопнул дверь и накинул засов. — Вскрывать живую плоть железом?! Да если об этом узнают псы из Ордена Чистого Пламени, нас обоих вздернут на площади у ворот! Меня — как пособника чернокнижника, а тебя сожгут живьем как некроманта!

Он подскочил к столу, схватил окровавленные тряпки и сунул их прямо в тлеющие угли жаровни. Запахло паленой шерстью и горелой кровью.

— Никому ни слова, понял?! — Морт склонился над Каем, обдавая его густым перегаром. В маленьких глазках старика плескался неподдельный животный ужас. — Скажешь, что

упал на битый горшок и приложил мою мазь из пепельного мха! И убери эти нитки, как только края схватятся! Если жрецы увидят ровные стежки на коже — нам конец!

Кай кивнул, мысленно фиксируя первое и главное правило этого мира.

Хирургия здесь под запретом. Знания, которые на Земле спасали миллионы жизней, здесь ведут прямиком на костер.

— Я понял, мастер Морт, — спокойно сказал он. — Никто ничего не узнает.

Старик еще раз подозрительно покосился на ровные, почти ювелирные швы на боку ученика, буркнул что-то неразборчивое про «проклятую молодежь» и уже собрался развернуться, как вдруг сверху, со стороны улицы, раздался громкий стук в дверь лавки и отчаянный женский крик:

— Откройте! Ради Света, откройте! Муж умирает! Мастер Морт, помогите!

Старик поморщился, как от зубной боли, и махнул рукой:

— Опять нищеброды из порта притащились. Денег нет, а орут так, будто их живьем режут. Иди открой, Кай, если не сдох. Скажи, что без двух серебряных я даже с места не сдвинусь!

Кай с трудом поднялся с табурета, накинул поверх повязки чистую рубаху и пошел вверх по лестнице.

Он еще не знал, кто ждет его за дверью, но внутреннее чутье подсказывало: его первая смена в этом мире только начинается.### Глава 2. Лавка старого МортаПриемная лавки представляла собой тесное, полутемное помещение с низкими сводчатыми потолками, пропахшее кислой овчиной, сушеной полынью и дешевым табаком. Единственное мутное окно, затянутое вместо стекла промасленным бычьим пузырем, пропускало лишь тусклый, серый свет вечно затянутого пеплом неба Бастиона-Семь.Кай отодвинул тяжелый дубовый засов и приоткрыл дверь.На узкой булыжной мостовой, утопающей в липкой грязи, столпились трое. Двое здоровых, закопченных до черноты мужиков в рваных холщовых робах держали под руки третьего — высокого, широколицего парня лет двадцати пяти. Рядом, прижимая к груди тряпичный узелок, металась худощавая женщина с заплаканными глазами и растрепанной русой косой, выбившейся из-под платка.— Сюда, скорее, сюда! — запричитала женщина, едва увидев Кая в дверном проеме. — Мастер Морт дома? Борим умирает, святые отцы из прихода на воротах завернули, сказали, без десяти серебряных даже порог не переступят! А откуда у нас десять серебряных?!— Заносите, — коротко бросил Кай, отступая в сторону и пропуская их в лавку. — На стол его. Быстро.— Эй, щенок, я же сказал: без двух серебряных… — начал было спускаться по лестнице с верхнего этажа Морт, но осекся, увидев, кого затащили в приемную.Грузчики с глухим стуком уложили товарища на длинный дубовый стол, обитый потемневшей от времени клеенкой. Парень был без сознания. Его лицо приобрело мертвенно-землистый оттенок, губы посинели, а грудь вздымалась короткими, судорожными толчками, сопровождаемыми влажным, булькающим хрипом.— Что случилось? — жестко спросил Кай, оттесняя суетящуюся женщину в сторону и расстегивая грубую шерстяную куртку пострадавшего.— В порту, на разгрузке баржи! — зачастил один из грузчиков, нервно комкая в руках войлочную шапку. — Цепь лебедки лопнула, балка сорвалась и прямо ему в грудь торцом ударила! Он сначала на ногах устоял, только кашлял сильно, а через полчаса как подкошенный рухнул и задыхаться начал. Мастер Морт, спаси, мы всей артелью скинемся, до медяка отдадим!Старый костоправ подошел к столу, небрежно ткнул пальцем в бледную щеку парня, оттянул ему веко и сокрушенно покачал головой:— Нутро отбито. Видите, как хрипит? Кровь в легкие пошла. Тут я бессилен, баба. Это только жрецы Чистого Пламени светом выжечь могут, да и то не факт, что донесете. Забирайте его, нечего мне тут покойника оставлять, потом от инквизиторов не отмоешься.Женщина завыла в голос, упав на колени перед столом и вцепившись в руку мужа. Грузчики мрачно переглянулись, опуская глаза в пол.Кай не слушал причитаний. Он уже смотрел на грудную клетку Борима сквозь призму Интерфейса.Бледно-голубая сетка ска-

нера мгновенно наложилась на тело пациента. Картина открылась кристально ясная — и до боли знакомая любому военно-полевому хирургу.**[Объект: Борим. Возраст: 26 лет]****[Диагноз: Закрытая травма грудной клетки. Перелом пятого и шестого ребер справа со смещением. Осколок ребра повредил париетальную плевру]****[Критическое осложнение: Напряженный правосторонний пневмоторакс и гемоторакс. Правое легкое коллабировано на 75%. Смещение средостения влево. Сдавление нижней полой вены]****[Прогноз: Остановка сердца через 14–18 минут]***«Классика»*, — молниеносно пронеслось в голове Кая. — *«Клапанный пневмоторакс. С каждым вдохом воздух закачивается в плевральную полость, но обратно не выходит. Давление растет, легкое сжато в комок, сердце сдвинуто и не может нормально качать кровь. Никакого отбитого нутра тут нет — если прямо сейчас не стравить воздух и не отвести кровь, парень задохнется на глазах у жены».*— Он не умрет, — громко сказал Кай.В лавке повисла мертвая тишина. Даже женщина перестала всхлипывать, подняв на подмастерье красные, полные растерянности глаза. Старый Морт уставился на ученика так, словно тот внезапно заговорил на языке демонов Тумана.— Ты чего несешь, сопляк?! — рявкнул старик, хватая Кая за плечо и пытаясь оттащить от стола. — Совсем умом тронулся после утреннего?! Какой не умрет, у него уже пена у рта!— Мастер Морт, вспомните, чему вы меня учили про «воздушный пузырь» под ребрами, — громко, чеканя каждое слово так, чтобы слышали и грузчики, и женщина, произнес Кай. — Когда ребро ломается и колет мешок с дыханием, дурной воздух запирается внутри и душит сердце. Если его выпустить — человек оживет.Морт моргнул, открыл рот, чтобы обматерить наглого щенка, но тут же осекся, уловив в глазах Кая странный, ледяной блеск и едва заметный кивок в сторону кошелька, висевшего на поясе старшего грузчика.— Сколько у вас с собой? — спросил Кай, не отрывая взгляда от грудной клетки Борима. Таймер в углу экрана неумолимо отсчитывал секунды: *12 минут 40 секунд*.— Три серебряных и горсть медяков… — выпалила женщина, судорожно развязывая тряпичный узелок. — И вот, кольцо венчальное, медное с позолотой! Только спасите!— Три серебряных — это цена за редкую настойку из пепельного корня, которая расслабляет грудные мышцы, — холодно отрезал Кай, глядя на Морта. — Мастер, тащите свою большую иглу для спуска водянки и бычий пузырь. И выгоните всех на улицу — таинство правки посторонних глаз не терпит, сглазят!Морт замер на пару секунд, переваривая услышанное. Три серебряных монеты — это месячный доход их жалкой лавки. На эти деньги можно купить нормального мяса, дров на две недели и пару бочонков приличного вина. А если парень все равно помрет — всегда можно сказать, что привезли слишком поздно.— Слышали, что мой старший ученик сказал?! — тут же приосанился старый костоправ, напуская на себя вид великого знахаря. — Вон все за дверь! И молитесь Свету, чтобы моя тайная настойка подействовала! Деньги на бочку!Когда грузчики вывалились на улицу, прихватив с собой рыдающую женщину, и тяжелая дверь захлопнулась, Морт мгновенно сбросил маску важности.— Ты чего задумал, паразит? — прошипел он, подбегая к столу. — Какая еще игла для водянки? Если ты его ткнешь, он кровью истечет прямо здесь!— Не истечет, если сделаем все чисто, — Кай уже лихорадочно рылся на полках в поисках нужных вещей. — Мне нужна самая толстая полая игла — та, которой вы жидкость из коленей у стариков спускаете. И тонкая гибкая трубка. Есть хоть что-то? Кишка сушеная, полый стебель камыша, что угодно!— Вон, в нижнем ящике, гусиные перья крупные и трубка из вываренной бычьей жилы, — пробормотал ошарашенный напором ученика Морт, доставая из-под прилавка длинную, грубую бронзовую иглу-троакар с широким просветом. — Только ты мне ответь: откуда ты про «запертый воздух» знаешь? Я тебя такому не учил!— В старой книге прочитал, которую на свалке у Верхнего Яруса нашел, — не моргнув глазом соврал Кай, выхватывая у старика иглу и бросая ее в миску с остатками самогона. — Спирт еще есть? Лейте на грудь ему, прямо под ключицу! И свечу зажгите, темновато.Морт, сам не понимая почему, подчинился. Видимо, привыкший за годы пьянства плыть по течению, старик спасовал перед железной, командирской интонацией, прорезавшейся в голосе вчерашнего забитого подмастерья.Кай тем

временем действовал на чистом автомате, сверяясь с показаниями биосканера.**[Внимание: Смещение средостения достигло критической отметки. Давление в плевральной полости критическое]****[Точка пункции: Второе межреберье по среднеключичной линии справа. Верхний край третьего ребра]***«Главное — идти строго по верхнему краю ребра»*, — напомнил себе Кай. — *«По нижнему краю идут межреберная артерия, вена и нерв. Задену сосуд — устрою еще одно кровотечение».*Он обработал кожу на груди Борима самогоном, нащупал пальцами второе межреберье, прикинул глубину по трехмерной сетке сканера — два с половиной сантиметра до париетальной плевры — и приставил острие толстой бронзовой иглы.— Держите ему плечи, мастер. Может дернуться, — тихо приказал Кай.Морт навалился на плечи пациента, с ужасом глядя на блестящее острие.Кай сделал резкий, уверенный прокол.Ткани подались с характерным хрустом. И в ту же секунду из широкого канала бронзовой иглы со свистом, напоминающим звук проколотой велосипедной шины, вырвалась струя воздуха.**[Плевральная полость вскрыта. Внутригрудное давление падает]****[Легкое расправляется: 30%... 45%... 60%...]**Борим на столе судорожно дернулся, из его горла вырвался глубокий, хриплый вздох, и грудная клетка впервые за последние полчаса поднялась ровно и свободно. Синева вокруг губ начала прямо на глазах таять, уступая место живому розовому оттенку.— Святой Огонь… — выдохнул Морт, едва не выронив свечу. — Он… он задышал! Кай, да как же это?! — Не расслабляться, там еще кровь внизу скопилась, — бросил Кай, быстро надевая на канюлю иглы вываренную трубку из бычьей жилы и опуская ее второй конец в кувшин с водой, который стоял на полу.Появился простейший дренаж по Бюлау — водяной затвор. Из трубки в кувшин тут же заструилась темная венозная кровь и забурлили пузырьки воздуха, но обратно в грудную клетку воздух уже не засасывался.**[Легкое расправлено на 92%. Угроза жизни устранена]****[Внимание! Обнаружено смещение отломка пятого ребра. Рекомендуется внешняя репозиция и тугая фиксация грудной клетки]**Кай аккуратно надавил пальцами на область сломанного ребра, глядя сквозь кожу, как костный отломок встает точно на свое место, после чего зафиксировал иглу с трубкой полосками пропитанной смолой ткани и туго перебинтовал грудь Борима широкими льняными лентами.Весь процесс занял меньше семи минут.Когда Кай вытер взмокший лоб тыльной стороной ладони и отступил от стола, на грузчика было любодорого посмотреть: дыхание ровное, пульс на сонной артерии четкий и наполненный, а сам Борим уже начал приходить в себя, тихо стоная и морщась от боли в ребрах.Старый Морт стоял у стола, раскрыв рот, и переводил ошарашенный взгляд с мирно спящего грузчика на своего восемнадцатилетнего подмастерья. В мутных глазах старика боролись суеверный страх, недоверие и внезапно проснувшаяся профессиональная гордость.— И это… и это в книге было? — хрипло спросил костоправ, сглотнув вязкую слюну.— В очень редкой книге, мастер, — спокойно ответил Кай, пряча окровавленные тряпки и убирая кувшин с дренажем за ширму, чтобы никто с улицы не увидел кровавую воду. — Скажете им, что вы вправили ребра особой техникой, а дурной воздух вышел через специальную трубку для отвода хвори. Никаких разрезов, никакой некромантии — чистая механика и ваши травы. И еще: трубку вынимать нельзя два дня, пусть лежит у нас в задней комнате, пока легкое окончательно не затянется. За постой и уход возьмем еще пару серебряных.Морт медленно кивнул. На его одутловатом лице вдруг расплылась кривая, беззубая ухмылка. Он подошел к прилавку, взвесил на ладони три тяжелые серебряные монеты, оставленные грузчиками, и спрятал две в свой карман, а одну, щелкнув ногтем, бросил Каю.— Заслужил, щенок, — буркнул старик, но в голосе его впервые не было привычной злобы. — Не знаю, какая дурь на тебя сегодня нашла, но с такой головой мы с тобой в этом болоте точно не пропадем. Иди отдохни, у тебя у самого рожа белее мела. Я сам с мужиками поговорю.Кай поймал монету на лету. Холодное серебро приятно оттянуло ладонь. Первые честно заработанные деньги в этом мире.Он спустился в свою каморку, привалился спиной к стене и закрыл глаза. Ноги гудели, зашитый бок тянуло тупой болью, но внутри разливалось странное, забытое чувство полного контроля над ситуацией.Впрочем, радость длилась недол-

го.Едва наверху скрипнула дверь и раздались радостные возгласы грузчиков, учуявших, что их товарищ выжил, как с улицы донесся тяжелый, мерный топот кованых сапог, лязг латных наплечников и властный, ледяной голос, от которого даже у старого Морта наверху захлебнулся смех:— Именем Ордена Чистого Пламени! Всем оставаться на местах! Что здесь происходит, костоправ?!Кай медленно выдохнул и посмотрел на потолок, сквозь который пробивался тревожный гул голосов.Первая проверка на прочность наступила быстрее, чем он рассчитывал.

Глава 3. Закон костраТопот кованых сапог за дверью был тяжелым, размеренным и не сулил ничего хорошего. В трущобы Нижнего Яруса стража или храмовники заглядывали редко, а уж патруль Инквизиции Ордена Чистого Пламени — и вовсе событие из ряда вон выходящее. Обычно их появление означало одно: кто-то донес, и сейчас на улице запахнет паленым мясом.Кай мгновенно оценил обстановку в своей подвальной каморке. На столе все еще валялись оселок, сапожная игла, остатки льняной нити и пустая бутыль из-под первача. Если инквизиторы спустятся вниз — вопросов не оберешься.Он одним движением сгреб компрометирующие мелочи в деревянный ящик с тряпьем, задвинул его ногой в самый дальний угол под топчан, а сам плотно застегнул ворот грязной рубахи, скрывая свежую повязку на боку.Сверху донесся звон распахнувшейся двери, звон металла и скрипучий, заискивающий голос старого Морта:— Ваше благородие… то есть, ваше святейшество! Какими судьбами в нашу глушь? Я ведь только кости вправляю да припарки от хвори ставлю, все по закону Ордена, ни единой капли крови не пролито!— Заткнись, старый пьяница, — ответил ледяной, лишенный всяких эмоций мужской голос. — Мы идем по следу ереси. Горожане шепчутся, что на этой улице обитает знахарка, лечащая людей запретными снадобьями. Кто эти люди? И кого вы здесь прячете?Кай тихо, стараясь не скрипнуть ни одной половицей, поднялся по лестнице на три ступеньки, чтобы видеть приемную через узкую щель в приоткрытой двери.В тесной лавке стояли трое. Двое — рослые храмовые стражники в серой стеганой броне поверх кольчуг, с тяжелыми алебардами и закрытыми шлемами, из прорезей которых настороженно блестели глаза. Между ними возвышался сам инквизитор — высокий, сухопарый мужчина лет тридцати в белоснежном плаще с вышитым на груди алым языком пламени. Его бледное, словно высеченное из камня лицо с острыми скулами и холодными серыми глазами выражало брезгливое отвращение к грязи и нищете трущоб.— Это… это артельщики из порта, ваше преподобие! — зачастил Морт, кланяясь так низко, что его седая борода едва не касалась пола. — Товарища своего принесли, мешком с зерном придавило, дыхание сперло. Я ему спину размял, ребра на место поставил, отваром пепельного мха напоил — вот он и ожил!Инквизитор медленно перевел взгляд на грузчиков и заплаканную женщину, вжавшихся в стену у прилавка, затем шагнул к дубовому столу, где за ширмой лежал Борим.Кай затаил дыхание. Если храмовник заглянет за ширму и увидит бронзовую иглу, торчащую из груди грузчика, и трубку, уходящую в кувшин с кровавой водой — никакие байки про «отвар пепельного мха» не спасут. Это стопроцентный приговор.— Отойди, — коротко бросил инквизитор Морту и протянул руку в белой перчатке к ширме.В голове Кая с бешеной скоростью пронеслись варианты. Бежать через черный ход? В подвале нет второго выхода. Напасть? Против двоих закованных в железо головорезов и боевого мага Света у него с зашитым боком шансов ровно ноль.Но прежде чем рука инквизитора коснулась ткани ширмы, с улицы, со стороны соседнего переулка, раздался истошный женский вопль, перекрывший тишину:— Поймали! Вон она, ведьма! Держите ее, уйдет в коллектор!Инквизитор замер. Его тонкие брови нахмурились. В ту же секунду в проеме двери лавки появился запыхавшийся десятник стражи в помятом нагруднике:— Ваше преподобие! Взяли травницу в соседнем тупике! При ней нашли корень мандрагоры, сушеных жаб и пузырьки с черной кровью! Народ уже к площади стягивается!Храмовник в белом плаще медленно убрал руку от ширмы и смерил старого Морта тяжелым, пронзительным взглядом:— Тебе повезло, костоправ. На этот раз. Но запомни: Орден видит все. Если я узнаю, что ты берешься за то, что положено лечить только Светом Храма, — следующий

костер сложат из твоих же полок. Уходим.Трое инквизиторов развернулись и вышли на улицу. Лязг их лат постепенно стих в общем гуле толпы, хлынувшей в сторону рыночной площади.Несколько секунд в лавке стояла гробовая тишина. Старый Морт медленно осел на табурет, вытирая дрожащей рукой обильный пот с багрового лба. Грузчики и жена Борима перекрестились знамением Света, глядя на костоправа так, словно он только что вытащил их всех из пасти дракона.— Слыхали, что святой отец сказал? — прохрипел Морт, мгновенно приходя в себя и напуская на лицо суровую важность. — Молчок! Ни единой душе о том, как я вашего товарища правил! Скажете, что отвар пил — и точка! А теперь идите, через два дня придете забирать, когда трубка свое дело сделает. И про оставшиеся два серебряных не забудьте! Когда дверь за перепуганными, но благодарными родственниками закрылась, Кай вышел из-за двери подвала.— Нам нужно посмотреть, что будет на площади, — тихо сказал он.— Ты сдурел?! — шикнул Морт, хватаясь за сердце. — Они только что ушли! Сиди в подвале и носа не высовывай!— Если я не пойму, как именно они ищут «еретиков» и за что отправляют на костер, в следующий раз нам так не повезет, мастер Морт, — возразил Кай, накидывая поверх рубахи старую, засаленную безрукавку с капюшоном. — Я ненадолго. Заодно куплю у мясника костей на бульон для нашего больного — ему сейчас белок нужен, иначе легкое не затянется.Старик только махнул рукой и потянулся к заветной фляге на верхней полке: нервы требовали немедленной анестезии.***Рыночная площадь Нижнего Яруса гудела, как растревоженный улей.Сюда, к старому каменному колодцу, у которого обычно торговали гнилыми овощами и дешевой солониной, стеклись сотни жителей трущоб — оборванные портовые грузчики, закопченные кузнецы, тощие женщины с чумазыми детьми на руках, нищие и карманники. Все жадно таращились на невысокий деревянный помост, сколоченный прямо у стены полуразрушенной часовни.Кай смешался с толпой у самого края площади, надвинув капюшон на глаза и стараясь не привлекать внимания.На помосте, привязанная грубой пеньковой веревкой к вкопанному в доски столбу, стояла на коленях пожилая женщина лет пятидесяти. Ее седые волосы растрепались, лицо было разбито в кровь, а простая домотканая юбка разорвана. Рядом с ней у ног валялась опрокинутая плетеная корзина, из которой высыпались пучки сушеной ромашки, коренья валерианы и несколько глиняных горшочков с мазями.*«Обычная деревенская травница»*, — с горькой усмешкой отметил про себя Кай. — *«Ромашка, валериана, зверобой. В моем мире такими сборами бабушки на рынках торговали от простуды и бессонницы».*На край помоста вышел тот самый инквизитор в белом плаще. Он поднял руку в латной перчатке, и гомон толпы мгновенно стих, сменившись напряженным, боязливым шепотом.— Жители Бастиона-Семь! — разнесся над площадью звонкий, поставленный голос храмовника. — Воля Чистого Пламени вновь уберегла наш город от скверны! Эта женщина, Марта из квартала Кожевников, по наущению врагов рода человеческого отрицала благодать Храма! Вместо того чтобы нести страждущих под сень святых алтарей, она поила их болотными отварами и прикладывала к ранам нечистые снадобья!— Я только лихорадку сбивала, ваша светлость! — хрипло выкрикнула женщина, пытаясь поднять окровавленное лицо. — У людей денег нет на Храм, дети от жара горят… я же только травами…Резкий удар латной перчатки по щеке оборвал ее слова. Женщина глухо застонала и поникла на веревках.— Ложь! — прогремел инквизитор, обращаясь к толпе. — Всякий, кто пытается лечить тело без благословения Света, уподобляется некромантам Тумана! Ибо плоть смертна и греховна, и лишь святой огонь жрецов способен очистить ее от яда внешнего мира! Тот, кто режет кожу железом, кто вливает в вены чужую кровь или варит зелья втайне от Ордена — враг Бастиона! И наказание ему одно — очищение пламенем!Стражник в серой броне шагнул вперед с горящим факелом и сунул его в обложенный смоляным хворостом поддон у ног осужденной.Сухие ветки вспыхнули мгновенно. Густой черный дым повалил вверх, к низкому пепельному небу, и над площадью разнесся жуткий, леденящий душу крик, от которого даже привыкшие ко всему обитатели трущоб вжали головы в плечи и отвели взгляды.Кай стоял неподвижно.

Ни один мускул не дрогнул на его бледном лице, хотя внутри все сжалось в тугой ледяной комок. За двадцать лет работы на войне он насмотрелся на смерть во всех ее проявлениях — от осколочных ранений до ожогов фосфором. Но одно дело — случайная пуля или снаряд, и совсем другое — холодное, расчетливое убийство человека за пучок сушеной ромашки.*«Это не религия и не суеверие»*, — четко сформулировал для себя Кай, глядя на спокойное, удовлетворенное лицо инквизитора в свете костра. — *«Это чистая, жесткая монополия. Если бедняки начнут лечиться сами, травами или ножом, кто понесет последние медяки в Храм? Кто будет отдавать последнее, чтобы жрец выжег хворь? Они уничтожают любую альтернативу на корню».*Инстинктивно он активировал биосканер, направив взгляд на инквизитора, стоящего в двадцати метрах на помосте.**[Объект: Неизвестен. Уровень угрозы: Высокий]****[Обнаружена высокая концентрация энергопотоков (Тип: Свет/Огонь) в области солнечного сплетения и верхних конечностей]****[Внимание! Обнаружена аномалия: в тканях объекта присутствуют множественные микроскопические уплотнения (шлаковые узлы), аналогичные тем, что фиксируются у жителей трущоб, но в инкапсулированном состоянии]**Кай прищурился. Даже жрецы и инквизиторы не были полностью защищены от влияния Тумана, просто их собственная мана сдерживала эту дрянь внутри.В этот момент взгляд инквизитора скользнул по толпе и на долю секунды задержался на фигуре в засаленной безрукавке с капюшоном. Кай не стал дергаться или прятаться — он просто опустил голову, изобразив тупую покорность забитого жителя трущоб, и медленно побрел прочь от площади, растворяясь в узких, вонючих переулках.Правила игры стали предельно ясными.Никаких открытых операций. Никаких следов швов на тех, кто может попасться на глаза страже. Все инструменты — только в тайнике. А каждого пациента придется отбирать с такой же осторожностью, с какой сапер разминирует неразорвавшийся снаряд.Кай свернул за угол мясного ряда, прикидывая, где достать чистый спирт, тонкую стальную проволоку для игл и нормальные бинты, как вдруг путь ему преградили трое.Двое громил в грязных кожаных куртках вышли из подворотни слева, а третий — коренастый парень с перебитым носом и кривой ухмылкой, крутящий в пальцах длинную заточку — перегородил проход впереди.— Гляньте-ка, парни, — ухмыльнулся парень с заточкой, сплюнув на булыжник. — А мы думали, ты вчера у Крысиного рынка сдох, щенок. Живучий оказался, сучонок. Ну ничего, сейчас мы это поправим…Кай остановился. Рука сама скользнула за пояс, где в самодельных ножнах лежал свежезаточенный нож старого Морта.Второй раунд начинался прямо сейчас.

Глава 4. Ночной визитер

Узкий переулок за мясным рядом не оставлял места для маневра. Слева — глухая стена из почерневшего от копоти кирпича, справа — покосившийся дощатый забор, за которым хрюкали свиньи в грязном загоне. Трое. Двое сзади, перекрывая отход к площади, один спереди — с заточкой, отточенной из куска обруча от бочки.

Кай не стал дергаться назад. В прошлой жизни, еще до академии, он три года занимался рукопашным боем в военном училище, а позже, в госпиталях, слишком хорошо изучил, как именно ломается человеческое тело при ударе.

[Анализ угроз: 3 цели. Вооружение: 1 колюще-режущее (кустарное), 2 — безоружны]

[Рекомендация: Избегать затяжного клинча из-за риска расхождения швов в правом боку]

Биосканер мгновенно подсветил уязвимые зоны на фигуре парня с перебитым носом: сонная артерия, солнечное сплетение, коленный сустав и сухожилия предплечья.

— Слышь, щенок, — ухмыльнулся главарь, делая шаг вперед и выставляя заточку вперед, как опытный уличный боец. — Вчера ты легко отделался. Сегодня мы с тебя шкуру живьем спустим и на мясорубку пустим.

Он бросился вперед с коротким, резким выпадом в живот.

Кай не стал отпрыгивать — правый бок тут же отозвался бы острой болью. Вместо этого он сделал короткий шаг влево с разворотом корпуса, пропуская грязное лезвие в сантиметре от своей безрукавки, и левой рукой жестко перехватил запястье нападавшего, одновременно нанося короткий, рубящий удар ребром правой ладони точно в область лучевого нерва на предплечье.

Хрустнул сустав. Пальцы бандита мгновенно разжались — нервный импульс оборвался, и заточка со звоном упала на мокрый булыжник. Не давая противнику опомниться, Кай нанес короткий прямой удар основанием ладони снизу вверх в переносицу и подсек опорную ногу. Громила рухнул в грязь как подкошенный, захлебываясь кровью из разбитого носа.

— Ах ты сука! — взревел один из тех, кто стоял позади, бросаясь на Кая с занесенным для удара тяжелым кулаком.

Кай уже подобрал с земли оброненную заточку. Он не собирался убивать — лишний труп в квартале привлечет стражу или инквизиторов, а вскрывать мертвеца у всех на виду никто не станет. Но и церемониться времени не было.

Он нырнул под размашистый боковой удар второго бандита, оказавшись вплотную к нему, и коротким, точным движением полоснул кончиком заточки по внутренней поверхности бедра противника — неглубоко, всего на пару сантиметров, ровно настолько, чтобы рассечь фасцию и задеть портняжную мышцу, но не тронуть бедренную артерию.

Громила взвыл, как резаный боров, схватился за ногу и завалился на бок: нога мгновенно перестала его держать.

Третий, самый молодой из троицы, замер в двух шагах, с ужасом глядя на то, как вчерашний забитый ученик костоправа за пять секунд уложил двоих матерых уличных грабителей, даже не запыхавшись.

— Вали отсюда, — тихо сказал Кай, поднимая на него холодный, тяжелый взгляд и перехватывая заточку обратным хватом. — И передай своему Рыжему Бену: еще раз кто-то из ваших подойдет к лавке старого Морта ближе чем на сто шагов — я ему сухожилия под коленями перережу. Всю жизнь на четвереньках ползать будет.

Парень сглотнул, попятился назад, споткнулся о стонущего главаря и бросился наутек так, словно за ним гнались все гончие Тумана.

Кай вытер лезвие заточки о куртку валяющегося в грязи бандита, сунул ее за пояс и, прижимая руку к ноющему боку, быстрым шагом направился обратно к лавке. Швы выдержали, но адреналин начал отступать, и тело требовало отдыха.

***

Остаток дня прошел на удивление тихо. Борим в задней комнате спал глубоким, ровным сном; трубка дренажа исправно отводила остатки сукровицы в кувшин, а к вечеру пузырьки воздуха почти перестали появляться — прокол в плевре начал затягиваться.

Старый Морт, отойдя от дневного потрясения и приняв для храбрости пару кружек крепкого эля, сварил густой мясной бульон из купленных Каем костей. Впервые за последние месяцы в их полуподвальной лавке пахло нормальной едой, а не тухлой капустой и дешевыми припарками.

Но едва над Бастионом-Семь сгустились тяжелые, непроглядные сумерки, а на улицах Нижнего Яруса зажглись редкие масляные фонари, в тяжелую дубовую дверь лавки снова постучали.

На этот раз стук был не паническим и не громким — три коротких, властных удара тяжелым перстнем о дерево.

Морт, дремавший за прилавком, вздрогнул и побледнел.

— Кого еще нелегкая несет на ночь глядя… — пробормотал старик, с опаской косясь на засов. — Кай, спрячься за ширму, на всякий случай.

Кай не стал прятаться — лишь отошел в тень у лестницы в подвал, положив ладонь на рукоять ножа за поясом.

Морт отодвинул засов и приоткрыл дверь. В приемную мгновенно ввалились четверо.

Трое из них были здоровыми, как мясные быки, мужиками в добротных кожаных куртках, подбитых металлическими пластинами, с короткими мечами и дубинками на поясах. Двое несли на самодельных носилках из плаща четвертого — худощавого мужчину лет тридцати пяти с бледным, искаженным от боли лицом и густой черной бородой, слипшейся от крови.

— Закрывай дверь, дед, и засов накинь, — пробасил самый крупный из вошедших, с глубоким шрамом через левую бровь и тяжелым золотым кольцом в ухе. — Хромой прислал. Сказал, у тебя сегодня чудеса творятся — парня с пробитой грудью с того света вытащил.

— Я… я только кости вправляю, господа хорошие, — засуетился Морт, пятясь назад и переводя испуганный взгляд на Кая. — У меня и снадобий-то дорогих нет…

— Заткнись и смотри, — оборвал его громила со шрамом, кивая носильщикам, чтобы те уложили раненого на дубовый стол. — Это Ворон, правая рука Хромого. Час назад на складах у канала люди Рыжего Бена засаду устроили. Попали из тяжелого арбалета в плечо. Древко мы обломали, но наконечник внутри засел, и кровища хлещет так, что никакие тряпки не держат. К жрецам нельзя — нас там сразу страже сдадут, у нас с Орденом старые счеты. Вытащишь его — Хромой озолотит. Сдохнет на столе — сам рядом ляжешь.

Кай вышел из тени и подошел к столу, не обращая внимания на настороженные взгляды бандитов.

— Отойдите от стола и не мешайте, — спокойно сказал он, активируя биосканер. — И закройте окно ставнями, чтобы с улицы свет не пробивался.

— А ты еще кто такой, сопляк? — прищурился громила со шрамом, положив тяжелую ладонь на рукоять меча. — Сын его, что ли?

— Я тот, кто будет его резать, чтобы он не сдох в ближайшие десять минут, — холодно ответил Кай, не отрывая взгляда от левого плеча раненого. — Если хотите, чтобы ваш Ворон дожил до утра, закройте рот и держите лампу выше.

Картина, которую показал сканер, заставила Кая внутренне напрячься.

[Объект: Неизвестен (Ворон). Возраст: 34 года]

[Диагноз: Проникающее ранение левой подключичной области. Инородное тело (стальной четырехгранный арбалетный болт) на глубине 4,2 см]

[Критическое осложнение: Оскольчатый перелом левой ключицы. Острый край металлического наконечника упирается в стенку левой подключичной артерии. При смещении инородного тела произойдет разрыв магистрального сосуда]

[Прогноз: Смерть от острой массивной кровопотери через 2–3 минуты после разрыва артерии]

«Ювелирная работа», — пронеслось в голове у Кая. — *«Наконечник прошел сквозь ключицу, раздробил ее и замер в миллиметре от подключичной артерии. Стоит потянуть его щипцами вслепую — и он распорет сосуд как бритвой. Фонтан крови до потолка, и через две минуты на столе будет труп».*

— Мастер Морт, — тихо, но твердо скомандовал Кай. — Спирт. Весь, что остался в новой бутыли. Кипяченую воду в миску. Самый тонкий нож, щипцы с узкими губками, пинцет, если есть, и суровую нить с иглой. Быстро!

Старый костоправ, поняв, что отступать некуда, метнулся к полкам с неожиданной для его возраста прытью.

— Ты что, железом его ковырять собрался?! — глухо рыкнул громила со шрамом, наклоняясь над столом. — Ты знаешь, что за это Орден делает?!

— А вы знаете, что бывает, когда рвется главная жила под ключицей? — парировал Кай, поливая руки спиртом и разрезая пропитанную кровью рубаху на груди Ворона. — Кровь

вылетит из него быстрее, чем вы успеете прочитать молитву. Наконечник сидит прямо на жиле. Выдернуть его нельзя — нужно аккуратно раздвинуть мясо, убрать осколки кости и снять железо с сосуда. Или везите его к жрецам прямо сейчас — правда, до ворот не донесете.

Бандит сжал челюсти так, что заходили желваки, но отступил на шаг, кивнув своим парням:

— Держите его крепче, если очнется. А ты, малый, не дрожи. Если вытянешь Ворона — Хромой тебя в обиду не даст.

Кай уже не слушал. Весь мир сузился до освещенного масляной лампой участка бледной, залитой кровью кожи у левой ключицы и трехмерной проекции сосудов и костей, парящей перед глазами.

Он обработал операционное поле спиртом, взял узкий, выправленный на оселке нож и сделал аккуратный разрез длиной пять сантиметров вдоль нижнего края ключицы, расширяя входное отверстие раны.

Ворон на столе глухо застонал и дернулся, но двое здоровых бандитов навалились на его ноги и правое плечо, прижимая к столешнице.

— Держите голову, не дайте ему крутить шеей! — бросил Кай, раздвигая края раны пальцами левой руки.

В глубине мышечной ткани блеснул темный металл четырехгранного наконечника. Рядом белели два острых костных осколка разбитой ключицы. А прямо под нижним ребром стального лезвия, подсвеченная ярким алым контуром сканера, мощно и тяжело пульсировала подключичная артерия.

[Внимание! Дистанция до стенки артерии: 0,8 мм]

[Рекомендация: Удалить костные фрагменты перед извлечением металлического объекта. Исключить боковое смещение наконечника]

Пот катился по вискам Кая, щекотал шею, но рука была твердой, как у робота.

С помощью узких щипцов он поочередно захватил и извлек оба костных осколка, аккуратно сгладив острый край сломанной ключицы тупой стороной лезвия, чтобы она не мешала доступу. Кровь из мелких мышечных ветвей заливала рану, мешая обзору.

— Мастер Морт, тампоны! Промакивайте край раны, только не лезьте внутрь! — приказал Кай.

Старик, затаив дыхание, орудовал чистыми льняными лоскутами, осушая операционное поле. Бандиты вокруг стола замерли, как каменные изваяния — даже суровые головорезы трущоб никогда не видели, чтобы кто-то с таким ледяным спокойствием копался в живой человеческой плоти при свете чадящей лампы.

Кай ухватил тупую хвостовую часть арбалетного наконечника узкими губками щипцов.

Сейчас все решали доли миллиметра. Нельзя тянуть на себя — нижняя грань лезвия зацепит стенку артерии. Нужно сначала приподнять наконечник строго вверх на два миллиметра, отводя острие от сосуда, и только потом вывести его наружу по дуге.

Кай задержал дыхание.

Приподнять. Медленно. Еще на волосок.

[Дистанция до стенки артерии: 2,5 мм. Путь свободен]

Плавным, выверенным движением он вывел окровавленный четырехгранный наконечник из раны и со звоном бросил его в глиняную миску.

Стенка подключичной артерии осталась целой. Ни единого прорыва.

— Есть… — выдохнул Кай, чувствуя, как напряженные до предела мышцы спины слегка расслабляются.

Он быстро наложил лигатуры на два кровоточащих мышечных сосуда, обильно промыл рану разведенным спиртовым раствором, ушил рассеченную фасцию и наложил аккуратный, почти незаметный внутрикожный шов, оставив тонкий дренаж в углу раны, чтобы в случае

проверки стражей все выглядело как обычная заживающая рваная рана без грубых стежков снаружи.

[Операция завершена успешно. Магистральный сосуд не поврежден]

[Прогноз выживания: 94%]

Когда Кай закончил накладывать фиксирующую повязку на плечо и руку Ворона, за окном уже занимался серый, мутный рассвет.

Ворон открыл глаза — мутные от боли и кровопотери, но осмысленные. Он посмотрел на перевязанное плечо, затем перевел взгляд на бледного, перепачканного кровью паренька с ножом в руке.

— Живой… — прохрипел бандит, криво усмехнувшись. — Я думал, все, отлетался…

Громила со шрамом медленно выдохнул, убрал руку с рукояти меча и посмотрел на Кая с неподдельным, тяжелым уважением. Он сунул руку за пазуху, вытащил увесистый кожаный кошель и с глухим стуком положил его на край стола.

— Здесь двадцать серебряных, лекарь, — глухо произнес он. — Хромой сказал: если Ворон выживет, с этой ночи лавка старого Морта и все, кто в ней живет, ходят под рукой Хромого. Ни одна собака в Нижнем Ярусе вас пальцем не тронет — ни Рыжий Бен, ни кто другой. А если понадобятся редкие травы, железо или чистый спирт — скажешь моему человеку у ворот Крысиного рынка. Меня звать Кувалда.

Бандиты осторожно подняли Ворона на носилки и вышли в утренний туман, растворившись в пустых переулках.

В лавке повисла тишина. Старый Морт медленно подошел к столу, уставился на пухлый кожаный кошель, из горловины которого тускло поблескивало серебро, и перевел ошарашенный взгляд на своего ученика.

— Двадцать серебряных… — прошептал старик, сглатывая слюну. — Кай… да мы за два года столько не зарабатывали…

Кай устало опустился на табурет, чувствуя, как гудят ноги и ноет зашитый бок. Двадцать серебряных. Крыша самого влиятельного авторитета Нижнего Яруса. Доступ к черному рынку.

Первый плацдарм в этом жестоком мире был захвачен… Глава 5. Крыша Нижнего Яруса-Двадцать серебряных монет на засаленном дубовом столе действовали на старого Морта сильнее любого жреческого благословения.Весь следующий час костоправ то и дело подходил к развязанному кожаному кошелю, перебирал тускло поблескивающие кругляши загрубевшими пальцами, прикусывал один на зуб и бормотал под нос что-то среднее между молитвой и бухгалтерским отчетом. Утренняя сырость и вчерашний страх перед инквизиторами мгновенно выветрились из его головы.— Слышь, Кай, — наконец подал голос старик, оторвавшись от созерцания богатства и покосившись на ученика, который в это время кипятил воду в котелке и перебирал чистые льняные лоскуты. — А ведь этот Ворон… он у Хромого не просто вышибала. Он у него вроде как казначей и правая рука. Если мы его вытащили, Хромой слово сдержит. В Нижнем Ярусе его слово крепче городской стены.— Хорошо, — спокойно отозвался Кай, снимая с огня котелок с кипятком. — Но расслабляться рано. Через пару часов придут родственники Борима — нам нужно вынуть дренаж из его груди, проверить легкое и отпустить его домой, пока по кварталу не поползли лишние слухи. А после обеда я пойду к Крысиному рынку.— К рынку? — насторожился Морт. — Зачем? Кувалда же сказал: если что нужно, через его человека заказывать.— Вот я и хочу заказать, — Кай повернулся к наставнику. — Мастер Морт, с вашими сапожными иглами и тупыми ножами для резки кожи далеко не уедешь. Если нам снова привезут человека с осколком у сердца или разорванной артерией, мне нужен нормальный инструмент. Сталь, которая не гнется и не ржавеет. Тонкие лезвия, изогнутые иглы, зажимы с фиксатором. И спирт — не сивуха с рынка, а чистый перегон, без сивушных масел.Старик почесал всклокоченную седую бороду, прищурив мутные глаза:— Зажимы с фиксатором… это как у ювелиров, что ли? Так за такую работу кузнецы втридорога сдерут.

Да и нормальный мастер в Нижнем Ярусе не сидит — все приличные оружейники и ремесленники в Среднем Ярусе обитают, за внутренней стеной.— У Хромого наверняка есть выходы на мастеров из Среднего Яруса, — уверенно сказал Кай. — И деньги у нас теперь есть. Из этих двадцати серебряных пять оставляем на запас провизии, дров и на черный день. Пять забираете себе — за лавку и прикрытие. Десять идут на оборудование и материалы. Идет? Морт на секунду замер, прикидывая в уме. Пять серебряных чистыми на руки — это больше, чем он зарабатывал за полгода. Да еще и защита самого влиятельного криминального босса трущоб в придачу.— Идет, щенок, — ухмыльнулся старик, протягивая широкую, мозолистую ладонь. — Только смотри: если инквизиция прижмет, я ни при чем, ты сам все придумал. Договорились?Кай пожал жесткую руку наставника.— Договорились.***Ровно в полдень за Боримом пришли его товарищи из портовой артели вместе с женой. Когда Кай под прикрытием старого Морта аккуратно извлек бронзовую трубку из межреберья, обработал крошечный прокол спиртом и наложил тугую повязку, грузчик уже сам сидел на краю стола и с аппетитом доедал миску густого мясного бульона.Биосканер подтвердил: правое легкое расправилось на девяносто восемь процентов, утечки воздуха нет, остатки крови из плевральной полости эвакуированы полностью.— Мастер Морт… и ты, парень… — Борим неуклюже поднялся со стола, придерживая перебинтованный бок, и низко поклонился. Его жена со слезами радости сунула старику обещанные две серебряные монеты и узелок с копченой рыбой. — Век не забудем. В порту у нас теперь свои люди есть — если груз какой провести без досмотра стражи или спрятать чего надо в трюмах, только слово скажите.Проводив благодарного пациента, Кай дождался, пока утренний туман немного рассеется, накинул свою старую безрукавку с капюшоном, спрятал за пояс заточенный нож и отправился к Крысиному рынку.Разница между вчерашним днем и сегодняшним бросилась в глаза сразу, едва он вышел из переулка на оживленную торговую улицу.Угрюмые, вечно настороженные жители трущоб расступались перед ним чуть охотнее, а двое парней в кожаных куртках, стоявших у входа на рынок с дубинками на поясах, при виде Кая коротко кивнули и отступили в сторону, освобождая проход. Молва в Нижнем Ярусе бежала быстрее крыс по водостокам: все уже знали, что ученик старого костоправа спас правую руку Хромого и теперь ходит под его защитой.У старых каменных ворот рынка, в тени навеса торговца жареными каштанами, Кай заметил коренастого мужика с перевязанным плечом и знакомым шрамом через левую бровь — это был один из вчерашних носильщиков, пришедший с Кувалдой.Увидев Кая, бандит отлепился от стены и подошел ближе, оглядываясь по сторонам.— Кувалда предупредил, что ты можешь заглянуть, лекарь, — негромко сказал он, пряча руки в карманы потертого полушубка. — Как там Ворон? Вытянет?— Если не будет вставать с постели ближайшую неделю и не станет дергать левой рукой — выживет и даже руку сохранит, — ответил Кай. — Через два дня я сам зайду к нему сменить повязку и вынуть дренаж. А сейчас мне нужна помощь ваших людей.— Говори. Хромой приказал выполнять твои заказы без лишних вопросов, если в рамках разумного.Кай достал из-за пазухи кусок плотной серой оберточной бумаги, на котором утром углем тщательно вычертил эскизы, и протянул его связному.— Мне нужен хороший кузнец или ювелир из Среднего Яруса, который умеет работать с тонкой, закаленной сталью и не задает вопросов, — четко перечислил Кай. — Вот здесь рисунки: четыре тонких ножа с узкими прямыми и изогнутыми лезвиями длиной в два пальца, двое узких щипцов с насечками на концах, двое ножниц с тупыми концами и три пары зажимов с зубчатым замком на ручках. Плюс десяток тонких изогнутых игл разного размера с ушком на тупом конце. Все должно быть отполировано до зеркального блеска.Бандит развернул бумагу, почесал затылок, глядя на непривычные для глаз жителя этого мира очертания скальпелей, анатомических пинцетов и зажимов Кохера.— Штуки мудреные… Ювелир наш в Среднем Ярусе такое сварганит дня за три, но возьмет недешево — сталь тонкая, закалка особая нужна.— Я заплачу, — Кай отсчитал из кошеля пять серебряных монет в качестве задатка. — И еще: мне нужен крепкий, перегнанный дважды или трижды винный спирт — не меньше трех больших

бутылей, чистая некрашеная хлопковая ткань, шелковые нити самой тонкой скрутки и маковое молоко или настойка белены.Услышав про маковое молоко и белену, бандит усмехнулся:— Спирт и шелк завтра утром принесут прямо в лавку. А насчет белены и мака — это к алхимикам на черном рынке у Старых Доков, я дам человека, он проводит и сведет с нужным барыгой, чтобы не кинули. Пошли прямо сейчас, если время есть.***Черный рынок у Старых Доков прятался в полузатопленных каменных складах у самой кромки внутренней гавани, куда никогда не заглядывали патрули городской стражи: воздух здесь был пропитан тяжелым, солоноватым запахом Пепельного Тумана, просачивающегося сквозь древние защитные барьеры.Проводник Хромого — тощий, вертлявый паренек по кличке Шнырь — провел Кая через лабиринт гнилых дощатых мостков к низкой железной двери, за которой скрывалась лавка подпольного алхимика.Внутри царил полумрак, пахло сушеной полынью, сернистым газом и сладковатым дымом курительных смесей. За прилавком, заваленным ретортами из мутного зеленоватого стекла, сидел сгорбленный старик в круглых медных очках с толстыми линзами.Кай не стал тратить время на пустые разговоры. Активировав биосканер, он быстро пробежался взглядом по рядам склянок и глиняных горшков на полках позади торговца.**[Анализ содержимого емкостей]****[Сосуд 4: Спиртовой экстракт опийного мака (концентрация алкалоидов высокая)]****[Сосуд 11: Настойка красавки обыкновенной (атропин/скополамин)]****[Сосуд 19: Кристаллический хлорид натрия высокой очистки]****[Внимание! Сосуд 7 содержит алкалоиды болиголова. Смертельно ядовит]***«Невероятно»*, — мысленно восхитился Кай. — *«Биосканер работает даже как химический анализатор! С такими возможностями я смогу сам готовить точные дозировки обезболивающих и антисептиков без риска отравить пациента».*Он купил две склянки концентрированного экстракта опийного мака, пузырек настойки красавки, килограмм очищенной соли для приготовления физраствора и несколько рулонов плотного хлопка, расплатившись еще двумя серебряными монетами.На обратном пути, когда они со Шнырем уже выбирались из лабиринта Старых Доков к основным улицам Нижнего Яруса, паренек вдруг остановился и тревожно прислушался.— Слышишь, лекарь? — шепнул он, прижимаясь к сырой каменной стене. — Колокола бьют. На стене у Восточных ворот.Кай прислушался. Сквозь привычный глухой гул города доносился тяжелый, тревожный набат медных колоколов, а со стороны центральной площади квартала Бедняков донеслись крики, звон оружия и властные команды храмовой стражи.— Что случилось? — нахмурился Кай. — Прорыв Тумана?— Хуже, — сплюнул Шнырь, нервно поглядывая на переулок, ведущий в сторону квартала Кожевников. — С утра там народ мер как мухи. Лихорадка какая-то черная: сначала жар, потом пятна по коже и кровь горлом. Жрецы из прихода посмотрели на первых двоих, объявили «Туманную скверну» и вызвали оцепление. Сейчас весь квартал колючей проволокой и огненными жаровнями обнесут. А к ночи, если хворь не утихнет, сожгут все бараки вместе с жильцами, чтобы заразу в Средний Ярус не пустить.Кай замер. Слова парня ударили по сознанию тяжелее любого удара в челюсть.*«Сжечь целый квартал вместе с живыми людьми…»*В его голове тут же всплыли воспоминания о санитарных кордонах, о вспышках холеры и брюшного тифа в разрушенных городах, где бомбежки перебивали водопроводные трубы и канализация смешивалась с питьевой водой.— Где именно начался мор? — жестко спросил Кай, разворачиваясь в сторону квартала Кожевников. — Откуда люди берут там воду?— Из старого колодца у дубилен, откуда же еще! — удивился Шнырь. — Эй, лекарь, ты куда попер?! Туда нельзя, там стража Ордена на каждом углу!— Передай Кувалде, что я буду у старого колодца со стороны заброшенных складов, — бросил Кай через плечо, ускоряя шаг. — И пусть Хромой не спешит сжигать мосты с этим кварталом — если я прав, это не проклятие Тумана, а обычная зараза в воде. И ее можно остановить до заката.Кай бежал по узким, скользким от грязи переулкам, чувствуя, как в груди разгорается знакомый холодный азарт военного врача, вышедшего на передовую против невидимого врага.Жрецы привыкли выжигать болезни огнем. Пришло время показать этому миру, что такое настоящая эпидемиология.

Глава 6. Тайна Туманной лихорадки

К моменту, когда Кай добрался до границы квартала Кожевников, главную улицу уже перекрыли тяжелые деревянные рогатки, окованные железом. Вдоль заграждения выстроилась шеренга храмовых стражников в закрытых шлемах и белых накидках с алым символом Ордена, а за их спинами чадили три переносные жаровни, от которых тянуло едким запахом серы и можжевельника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.